

АНТОЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Слышу пенье жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это — русская сторонка,
Это — родина моя!

Кому незнакома эта проникновенная, глубоко затрагивающая душу каждого русского человека песня? Долгое время ее считали народной. А между тем автором был наш земляк Феодосий Петрович Савинов. Родился он в Тотме в 1865 году в семье мелкого чиновника. Писать стихи начал еще гимназистом. С 1885 года печатался в столичных журналах и газетах. Наиболее плодотворным периодом его творчества было время пребывания в Вологде, где он служил по ведомству Попечительства детских приютов. Здесь в 1888 году вышла первая книга стихов. Хотя писал Ф. П. Савинов много, но литературный заработок не давал ему достатка. Уехав в начале 90-х годов в Москву, он снимает скромную комнату в одной из московских гостиниц. Десятилетие тяжелых лишений дало о себе знать: в 1898 году Савинов заболел. Тем не менее, он продолжал работать, и в 1900 году в Москве поэт издал новый сборник «Стихотворения». В эту книгу вошло все лучшее, что было написано к тому времени, в том числе и стихотворение «Родное» (1889 год). Но болезнь прогрессировала. Его увозят в Вологду, где Феодосий Петрович Савинов скончался 29 августа 1915 года.

РОДНОЕ

Слышу пенье жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это — русская сторонка,
Это — родина моя!
Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это — русское раздолье,
Это — русская земля!
Слышу песни хоровода,
Звучный топот трепака...
Это — радости народа,
Это — пляска мужика!
Коль гулять, так без оглядки,
Чтоб ходил весь белый свет...

Это русские порядки,
Это — дедовский завет!
Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса...
Это — русские картины,
Это русская краса!
Всюду чую трепет жизни,
Где ни брошу только взор...
Это — матушки отчизны
Нескончаемый простор.
Внемлю всюду чутким ухом,
Как прославлен русский Бог...
Это значит — русский духом
С головы я и до ног!

ПРОЗА. XXI ВЕК

ЛЕТНЕЙ полуночью она вдруг пробудилась от непонятного и яркого, как днем, света, казалось, заполнившего всю избу от самого подполья и до верхушки крыши. С трудом поднялась с кровати и, держась за деревянную переборку, добралась до передней комнаты к окошку.

Даже сквозь тюлевую, пообтрепанную от времени занавеску ее едва не оттолкнуло этим световым пучком, точно захотевшим проникнуть в самую человеческую душу. Но, несмотря на преклонный возраст, она по-прежнему была не из робкого десятка и, торопливо перекрестясь, взглядела через шторку в это диковинное ослепляющее свечение.

Прямоком издавала, от самого Иткольского, над всем бескрайним лесом, все равно что вживую, пекло, — настолько беспощадно светило там от зависшего в темень месяца, выглядевшего каким-то болезненно зримым и совсем желтым, насквозь прозрачным.

Причем вел себя месяц странно: постоянно двигаясь то влево, то вправо, он внезапно срывался вперед, играя светом, и вновь также стремительно возвращался на свое неприканное место.

«Месяц-то как разошелся, — опახнуло ее, когда она вернулась обратно на еще купленную вместе с покойным мужем кровать. — Вовсю пекёт: может, холодно будет».

И сразу неведомым образом ее унесло туда, во времена самого настоящего, лютого холода, когда еще с тремя малолетними сыновьями-погодками им зачастую доводилось даже полуодетыми спасаться зимними вечерами на морозных задворках собственного дома от вечно пребывающего во хмелю хозяина, способного запросто отправить любую человеческую душу на вечный покой.

Может, потому самый младший как-то настолько крепко простудился, что вскоре незаметно и свернулся, а остальные ребята, лишь встали на свои ноги, сразу и покинули эти края; и с тех пор о них ни слуху, ни духу, даже об отцовской кончине ничего не ведают.

И только мать в родимой до последнего травяного проулка Славянке продолжала неустанно охранять для них свой дом, теперь оставшийся единственно жильем в этой когда-то большой и веселой деревне.

Между тем, сейчас который день вгустую парило: воздух в избе был пугающе тяжел и не давал толком раздышаться, и в этом мареве всё кругом чудилось сырым и неясным, зыбким. Даже и это бы не сравнилось с той тяжестью, что опять в который раз и обрушилась на нее, накрывая удушьющим пологом прошедшего, но никогда незабываемого...

Тогда она здесь же в спальне, лишь на полу, на старых фуфайках, решительно закрыла своих спящих крошек от взмахнувшего над ними топором своего незабвенного хозяина; и с той минуты, внезапно став белее белого снега, ее цыганисто-вьющиеся волосы навсегда сделались длинными и неряшливыми нитями.

«Окстись с Богом», — только и сказала она, так посмотрев ему прямо в глаза, что он, хвативший смертельного лиха в армейском прошлом и с тех пор уже беспамятно друживший с горькой, опустил смертельное железо и, наверное, впервые для себя отшагнул назад.

Но с некоторого времени, давно уже не первый год, это самое железо, правда, изрядно поржавевшее, неизменным спутником пребывает у ее одинокого изголовья: нынче, куда ни ткнишь, везде не до покоя, — повсюду случаются лихие люди, такие настали времена.

И больше уже никогда не взиграет на всю округу знаменитая кирилловская трехрядка в растающих без разбора бурьяном и непобедимо-дикой крапивой, этих некогда светоносных краях.

И незамедлительно, будто в подтверждение этого, из обычного вневременного состояния ее чутко вернул обратно сюда какой-то сторожкий и одновременно отчетливо-закононый звук, и это уже было не забытьем, а самой обычной явью.

Сейчас там, на избных задворках, что-то безотрывно и осторожно копошилось: может, кто-то чужой и в самом деле задумал сотворить что-нибудь неладное с ее жилищем? А тогда с какой стати не один раз кряду и приносила сюда нелегкая чужих мужиков с какими-то бумагами, пока

Александр ЦЫГАНОВ

НОЧЬЮ
МЕСЯЦ ПЁК

Рассказ

она, осерчав, и не пригрозила начальству пожаловаться?..

И ныне, вновь поднявшись с кровати, ей пришлось нашить в изголовье ту самую поржавевшую, когда-то разрушительную железку. После чего медленно, шаг за шагом, она и двинулась по избе, к выходу на крыльцо, но не выпуская из рук расхлябанного, отполированного годами топорика.

А законно-серебристое свечение уже успокоено, с лунным равнодушием разлилось на всё окружающем, безразлично показывая скудное комнатное убранство вовсе безликим и тусклым, безжизненным.

Даже случайный отсвет, блескуче скользнувший с улицы в прихожую, где она размнала литой ржавый крючок с запираемых на ночь дверей, только мимолетно, ровно нехотя коснулся седой негнувшейся женщины в исподнем и с широко расставленными, немигающими глазами.

Зато крупная, лопаткой, завертка в крытом тесном крыльце отмыкалась запросто и свободно, выказывая взору летнюю улицу, — глухую, давно безлюдную.

Здесь, на воле, во всеохватной темени слегка шелестели березовые листья в палисаднике, а еле угадываемая деревенская дорога была, как всегда, на все стороны тиха и пустынна.

Привычно, для отпугивания всякого лиха, она сначала обстучала обухом передний угол избы и шагнула, было, к отводу с покосившимся штакетником, туда, к задворкам дома, но невольно замерла на месте.

Перед глазами разом, едва не вьяе, и встала эта самая улица, кажется, еще вчера со всей округи заполненная гостями, от души гулявшими от одного края и до другого, век не забудется. Веселее выборов, даже самих «октябрьских» праздников отмечалось лишь главное деревенское торжество — «Девятая», — девятая пятница после Пасхи.

И до самого утра, до первых заполошных петухов гуляющий люд старательно обмахивался пьянящими, сводившими с ума своим запахом густыми ветками сирени, тогда еще дружно разросшимися до самого князька их дома, по-хозяйски расположившегося посреди деревни.

В бледно-серой крепдешиновой юбке и ситцевой, во всю расшитой голубыми листочками кофе, и она неожиданно для самой себя в одночасье вылетела на перепляс с закадычными подружками, сначала долго не решаясь. А дошло до дела: и в новых, из парусины, синеньких туфлях, гордо вскинувшись и всплеснув руками, она лихо пошла дробить возле своего цветущего огорода по вытопанной добела тропке.

А в теперешнюю пору один Святой Дух и остался тут; и по их дороге с двумя десятками нежилых домов заедет сюда в горку разве что продуктовая автолавка, да еще раз в неделю сельсоветская «помогалка» покажется: наскоро подсобить немощной женщине по ее немудреному хозяйству.

И именно с этой вольной райской стороны она однажды в многолетней давности и увидела будущего суженого, разве такое забудется?.. После своей демобилизации он сразу и появился у них на гулянке, подпало как раз к девятой пятнице после Пасхи.

Из-за реки, со своих неблизких иткольских краев, как в той знаменитой песне, он тоже в защитной гимнастерке и «спустился с горочки»: невысокий и ловкий, в фартовых хромовых сапогах и лихо заломленной военной фуражке на черноволосой голове.

А когда еще с шутками и прибаутками очутился с переплясом в их круге, так взглянув на нее, разом вспыхнувшую в своей ситцевой расшитой кофе, что подружки и сами быстренько уступили место этой не по-деревенски баской паре.

С того самого дня для нее больше и не было никого дороже: этому лучшему на свете улыбочивому иткольскому парню она и отдала на всю жизнь весь жар своего молодого и верного девичьего сердца.

В это время сюда к ней, на окрайку дома, и заглянула с другого боку неугомонно-прозрачная луна и, наскоро облив все вокруг холодным светом, вдруг наткнулась на подготовленный костерок: в двух шагах от остановившейся хозяйки был, такой с ходу и прозеваешь в темень.

Оставалось только поднести огонь к умело собранному стожку из нажористого сушняка и прочего дворового мусора, и тогда тут в два счета осталось бы одно пустое место. Все говорило о том, что кому-то совсем уже невольно понадобилось на сегодняшний день нарушить это жилище, сравнить его с землей.

Придя в себя от увиденного, она мертвой хваткой сжала надежное длинное топориче и, осмотревшись, изо всех сил прислушалась к любому маломальскому шороху. Но долгая, не нарушаемая даже птичьим посвистом тишина этой зыбкой летней ночи подтвердила, что если кто-то и был в их заулке, то успел быстро и незаметно раствориться в неизвестном направлении, вспугнутый бесстрашной хранительницей дома.

И тогда она, потихоньку отдышавшись, решила, что никуда больше отсюда не денется: несмотря ни на что будет обязательно находиться в своем огороде хоть до утра, до самого рассвета, сколько понадобится.

И, продолжая все так же нашептывать спасительные, столь нужные каждому крещеному слова, она решительно села на хозяйскую лавку, держа крепко-накрепко, как солдат оружие, свое поржавевшее железо на длинном и тяжелом топориче.

В последнее время и без того больно уж много развелось желающих поживиться за чужой счет; так, сама того не ведая, она, может, и насовсем сумела в этот день отвести неминуемую беду от их осиротевшей Славянки.

А на недостижимой высоте загадочно спящего в этот предрассветный час мироздания, не иначе, как ей в помощь, на смену уже бойко не пёкшей луне, внезапно светло и ясно распахнулось бездонное небесное покрывало. И торжественно запереливалось во всю свою ширь серебристо вспыхивающими праздничными иголками.

И где-то далеко внизу, в самой благодатной глубине этого неповторимо-светящегося мира, на одной маленькой и вгустую переполненной земле, отныне увиделся осиянный уголок и для одинокой женщины в белом одеянии, что с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше.

НАШЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕЛО

ПОСТАВЬТЕ ПАМЯТНИК БЕЛОВУ

...Как часто наши патриоты стонут: от засилья либералов мы совсем забыли про свою национальную культуру. Ставят памятники Иосифу Бродскому и в Москве, и в Петербурге, Булату Окуджаве в Москве, Владимиру Высоцкому во многих городах.

И так далее. Я бы и рад был поддержать этот хор стонущих голосов, и обвинить либералов в чрезмерном рвении, но только почему мы-то сами, русские, чрезмерно не рвёмся? Почему наши отечественные стопроцентно русские мэры и губернаторы думать о русской культуре не хотят?

К примеру, дали прекрасному поэту Иосифу Бродскому Нобелевскую премию, улицы называют, памятники ставят, а такому же прекрасному поэту, его же сверстнику Юрию Кузнецову, ни улицы, ни памятника, ни даже доску мемориальную на его дом, где он жил в Москве, ставить не собираются.

Но оставим наши столицы именитым либералам, куда уж русским патриотам до них. Но где же Вологда? Она она где... Там-то уж должны были и Рубцову отдать должное, и Василию Ивановичу Белову. Да и в Петрозаводске, когда-то впервые напечатанному в «Севере» классическое «Привычное дело», можно было дать одной из улиц имя Василия Белова. Впрочем, в Петрозаводске тоже власти такие же бескультурные и тёмные, как и в Вологде, никак не хотят ставить памятник легендарному Дмитрию Гусарову, сделавшему и журнал «Север», и сам Петрозаводск одной из культурных столиц России.

Называли и Вологду главной культурной столицей России, там же в одно время жили и Виктор Астафьев, и Николай Рубцов, и Василий Белов, и ныне здравствующая Ольга Фокина, — целое литературное созвездие. Как богат был край вологодский северными талантами. И разве кто помнит о них? Мне кажется, русский чиновник — один из худших чиновников в мире. Любый азиатский чиновник никогда не забудет про своего национального поэта, даже если никогда не читал его. «Память формирует духовную крепость человека. Беречь надо память», — писал в свое время Василий Иванович Белов. Но где же память у вологодских чиновников? Назвали именем Николая Рубцова самую захудалую улочку на самой окраине города, о которой и знать-то никто не знает.

Прозу Белова читают и любят в Японии и во Франции, в Китае и в Израиле, его переводили на все языки мира, ещё при жизни называли классиком. А что сейчас? Прошло несколько лет после его смерти. Здесь живет его вдова Ольга Сергеевна, живы многие его друзья, стоит в родном селе Тимониха отростенная им церковь. Но уже десятки раз местные писатели и поклонники таланта великого писателя ставят перед вологодским начальством вопрос о присвоении его имени одной из центральных улиц, к примеру, Октябрьской, на которой он и жил, библиотеке, о создании музея-квартиры, об установке памятника. Будто так уж много в Вологде великих писателей проживало? Нет в губернии ни литературной премии имени Василия Белова, нет ни музея, ни улицы, ни мемориальной доски, ничегошеньки. Никому нет никакого дела до увековечивания памяти писателя. Характер у писателя был не сахарный (да и у кого из больших писателей был лёгкий характер?), с чиновниками часто ругался. Может, до сих пор мстят? Тем более, на Западе за него никто заступаться не будет, да и министр культуры Мединский вряд ли помнит о нём. Но, может быть, поэтому к нам и отношение такое в мире, что сами себя не уважаем? Может быть, тормозят установку памятника, дабы не поддерживать стержневое направление в державной русской культуре. Президент что-то там глаголет, снизу что-то требуют, а гнилая чиновничья губернаторско-министерская серёдка отмалчивается и ничего не делает. Ибо ей Василий Белов страшен, как символ русского дела. Не нужен им Лад в русской жизни.

Нужна и более гласная поддержка Союза писателей России, такая, чтобы по всей стране слышно было: ставьте памятник Василию Белову! Или без либеральной поддержки русским опять никак не обойтись?..

Владимир БОНДАРЕНКО (Москва)

По материалам полемических заметок, г. «Застра»

В РОДНОМ ГОРОДЕ БЕЛОВА...

С изумлением узнала о положении дел в Вологде с увековечиванием памяти писателя Василия Ивановича Белова, признанного уже при жизни русским классиком...

Мы много рассуждаем о положении русского и других народов России, о сохранении национальных ценностей, о падении патриотизма, о незнании нашими детьми и внуками истории Отечества. Лично мне и в голову не могло прийти, что в Центре литературной русской жизни России — древней и всеми нами почитаемой и любимой Вологде — руководство области, да и сами её жители отнесутся с таким небрежением к памяти В. И. Белова.

Спасибо вологодским писателям, привлёкшим наше внимание к этой проблеме. В сердце моих современников имя В. И. БЕЛОВА неразрывно связано с этим городом. Несмотря на глубинную любовь писателя к своему Истоку — Тимонихе, для нас его творчество во всём его объёме представляет целый пласт жизни Русского Севера, к сожалению, так скоропостижно практически исчезнувший к нашему времени.

БЕРЕГИТЕ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ПИСАТЕЛЕ!

Учитывая некачественность учебников истории и русского языка после перестроечного периода, трудно переоценить значение книг нашего классика, сохранившего для нас характеры, сюжеты, язык, своеобразие быта, уникальные краски и оттенки Вологодской земли.

Неужели в родном городе В. И. Белова не найдётся хорошей улицы или площади, чтобы увековечить его имя?! Не говоря уже о памятнике. Неужели два года, прошедшие со дня его кончины — это не время для решения такого необходимого сегодня действия по поддержанию возрождающегося патриотизма и духовности нашего Отечества?! Сейчас, когда столько говорят о Русском мире?!

Допускаю, что Василий Иванович обладал не шибко сладким характером и мог быть неугоден при жизни. Так он на многое и не претендовал. Но сейчас, когда с нами осталось только его наследие, не пора ли отдать дань этому человеку. Человеку, который ценил каждый день своей трудной русской жизни, каждое село своей дорогой Вологодчины, каждую волну реки Сохты, которую спрашивал: «Я так тебя люблю, что мне кажется, когда я умру, ты на минутку останешься?! Я думаю, что 4 декабря 2012 года Сохта останавливалась».

Надежда МИРОШНИЧЕНКО, (Сыктывкар)

Владимир МОЛЧАНОВ, поэт, г. Белгород, председатель Белгородского регионального отделения СП РФ, секретарь Союза писателей России:

...Что происходит в России с увековечиванием её великих русских сыновей и дочерей? В 1971 году умер великий русский национальный поэт Александр Твардовский, автор бессмертного «Василия Тёркина», других поэм, стихотворений, а памятник ему удосужились поставить только в 2013 году, спустя 42 года после его кончины. Вот и с Василием Ивановичем Беловым, великим нашим современником, может, не дай Бог, произойти то же самое: мы, его современники, не увидим памятник ему. Может, мы, русские люди, не любим и не уважаем самих себя?

Николай ДЕНИСОВ, поэт, г. Тюмень:

— Удивляет, возмущает отношение к памяти достойных людей, покинувших нас навсегда. Великого сына России и Вологодской земли Василия Белова большие начальники не могут (не хотят?) увековечить в названии пока хоть улицы. Ни дяди Сэмы эти начальники, свои, кажется. Это, если хорошо подумать, наше русское, национальное дело.

Анатолий АВРУТИН, поэт, г. Минск, Республика Беларусь:

— С Василием Ивановичем Беловым однажды довелось встретиться. Взгляд его, исполненный невыразимой боли, и сегодня стоит перед глазами. Дорогие коллеги-воложане! Берегите, как можете, память о великом русском писателе!

Александр ЛОГИНОВ, поэт, г. Каргополь, Архангельская область:

— Такое ощущение, что там наверху, в кругах министерства культуры, не очень-то и хотят, чтоб в Вологде именно сейчас появилась улица Василия Белова и памятник ему. Это означало бы появление вектора, по которому будет развиваться и двигаться русская литература, да и культура в целом. Отсюда и предложения — повременить. Лет эдак через 15–20, так рассуждают они, может быть, вашего Василия Ивановича и читать не будут, а там, глядишь, и забудут.

А Василий Белов нужен именно сейчас, дабы смогли мы вцепиться корнями в ускользающую из-под ног почву и устоять.

Редакция «ВЛ» обратилась к члену комиссии по увековечиванию памяти и популяризации творчества В. И. Белова председателю правления Вологодской писательской

организации Михаилу Карачёву: «Михаил Иванович, много ведётся разговоров и эмоциональных комментариев по вопросу увековечивания памяти Василия Ивановича Белова. Что же происходит на самом деле?»

Василий Иванович умер 4 декабря 2012 года. Предложения (19 пунктов) по увековечиванию памяти В. И. Белова в декабре 2012 года направлены губернатору Вологодской области, председателю Законодательного Собрания области, Главе города Вологды, в Союз писателей России. Первым пунктом было предложение о создании комиссии по увековечиванию памяти В. И. Белова.

Комиссия по увековечиванию памяти и популяризации творчества В. И. Белова создана постановлением губернатора Вологодской области через полгода после смерти писателя, 08.06.2013 года, первое заседание прошло в октябре 2013 года. Идея создания музея в квартире Василия Ивановича сразу вызвала возражение представителя департамента культуры области: «У нас оптимизация». Департамент занялся мемориальной доской В. И. Белову без объявления конкурса.

Второй раз комиссия собралась только через год, 24 октября 2014 года, сразу после завершения Первых межрегиональных Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия», финансировавшихся администрацией г. Вологды. На чтениях я достаточно подробно сообщил о наших писательских предложениях и о состоянии дел по увековечиванию памяти Василия Ивановича.

На втором заседании областной комиссии по увековечиванию памяти В. И. Белова отвергли макет мемориальной доски и вернулись к предложению о конкурсе на разработку эскизов и мемориальной доски, и памятника на могиле Василия Ивановича. Департамент культуры подготовил условия, а губернатор 4 декабря 2014 года объявил интернет-конкурс на эскизы мемориальной доски и надгробного памятника. Тогда же на портале правительства области (Новости Губернатора) появилось сообщение с заголовком «Музей Василия Белова должен появиться в Вологде»: «Сегодня в адрес Правительства области пришло письмо из Администрации Президента РФ. Отраднo, что наши совместные усилия не прошли даром. Я благодарен всем, кто принимал участие в работе по увековечиванию памяти писателя: писательскую общественность, Правительство области, наших сенаторов, депутатов Государственной Думы, депутатов Законодательного Собрания

области», — отметил в своем комментарии глава региона Олег Кувшинников».

Письмо это пришло не из Администрации Президента, а от меня (копия письма депутату Госдумы от советника президента с информацией о поручении президента России создать музей в вологодской квартире В. И. Белова). Из Администрации президента письмо приходило в адрес губернатора в апреле 2014 г. и совсем с другим содержанием.

12 марта 2014 года в Администрацию президента России из Союза писателей России отправлено наше письмо за подписью В. Н. Ганичева и моей с просьбой оказать содействие в создании федеральной структуры: «Мемориальный литературный музей-заповедник В. И. Белова», в состав которого предполагалось включить мемориальные фонды, музей-квартиру в Вологде, дом родителей В. И. Белова и дом прадеда, беловскую баню в Тимонихе, а также мемориальное захоронение В. И. Белова, Никольскую кладбищенскую церковь и культурно-исторический ландшафт.

17 апреля губернатор Вологодской области убедительно просил вдову В. И. Белова передать рукописи и личные вещи писателя в Вологодский музей-заповедник.

В Администрации Президента России идею создания федерального музея-заповедника поддержали, и советник президента Владимир Толстой письмом от 21 апреля 2014 года просил вологодского губернатора «поручить подготовить свои предложения по созданию музея-заповедника и представить их для рассмотрения в Администрацию Президента Российской Федерации».

16 мая губернатор вместо предложенных по музею-заповеднику сообщил советнику президента, что поддерживает только создание музея-квартиры В. И. Белова как филиала федерального Кирилло-Белозерского музея. Текст этого ответа подготовлен департаментом культуры области. Кстати, председатель Законодательного Собрания Вологодской области Георгий Шевцов, посетивший квартиру В. И. Белова, заявил, что стыдно рассуждать о том, что область не может выкупить квартиру Белова для создания музея.

Свои же московские друзья-писатели и депутаты вместо поддержки обращения Союза писателей России (письмо Ганичева и Карачёва) о создании музея-заповедника Белова, наперебой стали просить администрацию президента создать только музей-квартиру. 5 ноября 2014 года президент России В. В. Путин поручил министерству культуры решить вопрос создания музея-квартиры В. И. Белова.

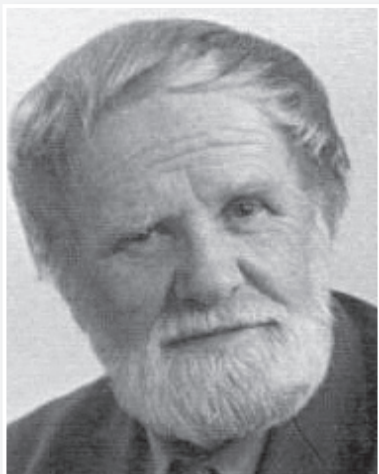
При всех разговорах о русской «соборности» эта торопливость, разрозненность, единоличность действий друзей и поклонников В. И. Белова и привели к тому, что из «путинской» «пушки выстрелили по воробью». Достигли частной цели, поддержанной губернатором, и отбросили создание федерального (за федеральные деньги) мемориального литературного музея-заповедника В. И. Белова в неопределённое будущее.

Придется писателям России вновь пытаться объединить свои усилия по увековечиванию памяти Василия Ивановича, и не действовать как «удельные друзья».

Администрация г. Вологды предложила назвать именем Белова, на выбор, несколько улиц на окраине города, а в центре предложила бульвар, в начале которого стоит парадный памятник В. И. Ленину работы скульптора Тумского. Окраинные новые улицы и бульвар за спиной у Ленина не требуют хлопот и затрат на переименование, но не годятся для присвоения имени В. И. Белова.

Предложение Вологодской писательской организации было следующее: назвать именем Василия Ивановича Белова улицу в центральной части города, также как и разместить памятник возле областной библиотеки, находящейся в центре города, на углу улицы Ульяновой и Советского проспекта.

П. С. Редакция «ВЛ» привела только малую часть откликов. Благодарим всех писателей за их горячее участие в обсуждении этой проблемы. Ещё раз подтвердилась истина: если мы вместе — мы сила. Писательский голос всегда имел большой вес в обществе. И, вопреки известному чеховскому афоризму, что Россия — страна казённая и возмущаться бесполезно, мы искренне надеемся, что и теперь наш голос будет услышан, как в Вологде, так и в Москве.

Василий Иванович Белов (1932–2012) – классик русской литературы

Президент РФ В. В. Путин вручает В. И. Белову орден. Москва. Кремль

В. Белов и В. Астафьев

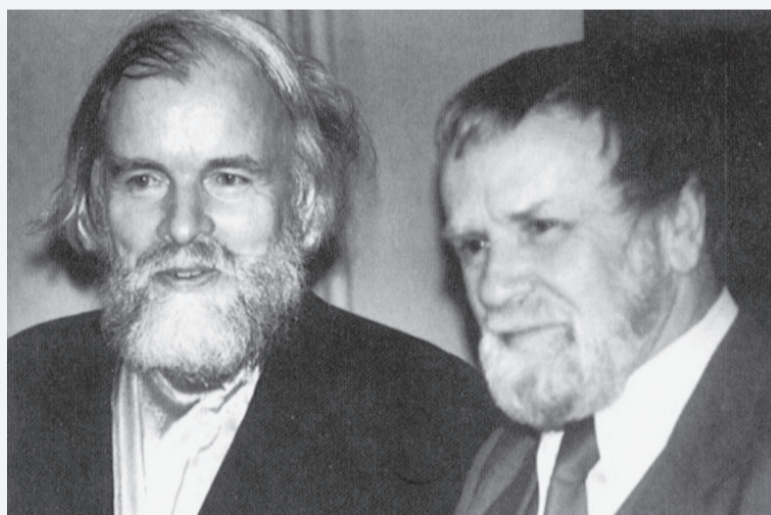
В. Белов и первый космонавт земли Ю. А. Гагарин

В. Белов и А. Яшин

В. Белов и М. Шолохов в Вешенской

В. Белов и Д. Балашов

В. Белов и В. Шукшин на съемках кинофильма «Калина красная»

В. Белов и лауреат Государственной премии В. Распутин

ГОСТИ «ВОЛОГОДСКОГО ЛИТЕРАТОРА»

С 2015 года литературная газета открывает новую рубрику «Гости «Вологодского литератора», где редакция намерена предоставлять слово нашим коллегам-писателям из других регионов России, а также читателям, желающим высказаться по самым различным проблемам современной жизни, которые интересны широкому кругу людей.

Открывает рубрику известный российский прозаик из Ростова-на-Дону Алексей Береговой, председатель правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России. А. Береговой — автор многочисленных рассказов, повестей, романов, вошедших в книги, изданные в Москве и Ростове-на-Дону, возглавляет Ростовскую писательскую организацию и общественный редакционный совет журнала «Дон новый».

ПОД ЗВЕЗДОЙ ШОЛОХОВА

— Алексей Григорьевич, как вы оцениваете литературную жизнь в Донском краю? Что в ней можно выделить как положительное, здоровое, а от чего следовало бы отказаться?

— Я думаю, что современная литературная жизнь в Донском краю мало чем отличается от современной литературной жизни во всей России. Это, как ни горько сознавать, прежде всего — снижение уровня самой литературы, потеря великой школы русской литературы. Возможность издавать книги за свой счёт, публикация за деньги в журналах, газетах и особенно — в Интернете, породило «цунами» графомании, которое накрыло и разрушило лучшие литературные традиции. Отсутствие закона о профессии «писатель» создало такое всеобщее писательское хобби, и, как говорят сегодня, не пишет только уж очень ленивый.

Истины ради скажу, что донской пи-

сатель ещё держится на плаву, сохраняя традиции и школу русской литературы, выживает в трудных условиях своей ненужности государству и обществу. И, наверное, эти трудности пока ещё укрепляют его — как ни странно. Начиная с 2010 года, мы имеем свою газету «Донской писатель», с 2008 года — альманах «Дон и Кубань», с 2013 года — журнал «ДОН_новый». Возможность публикации — основа всей жизнедеятельности писателя.

Мы пережили, слава Богу, самый трудный период — период раскола, внутренних «революций» и раздора. Сейчас этого нет. Организация сумела очистить себя и устоять, сохранила здоровое ядро. Сегодня главный принцип существования в ней — это взаимоуважение и взаимоподдержка. От остального мы сумели отказаться.

— Как складываются у писателей Ростова-на-Дону и всего Донского края

взаимоотношения с органами государственной и муниципальной власти? Какие конструктивные предложения на этот счёт есть у ваших писателей?

— Меня избрали председателем правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России в 2011 году. До этого я два года исполнял обязанности председателя.

С первого дня моей работы во главе организации я взял курс на налаживание ранее утерянных связей с администрациями города и области. Можно быть недовольным властью, но «воевать» с нею не стоит, с властью нужно дружить и сотрудничать. На мой взгляд, писатель, в отличие от журналиста, не должен лезть в политику. Его задача — создавать художественные произведения о судьбах людей, которые могут состояться при разных властях. А тем более, когда на тебе лежит ответственность за всю общественную писательскую организацию.

Кое-чего мы добились. У нас прекрасные отношения с городской администрацией. Нужно сказать, довольно хорошие с администрацией области, которая помогла нам в октябре 2013 года достойно отметить 90-летие нашей организации. Есть и другие позитивные достижения, которые, к сожалению, пока лишь на уровне обмена любезностями. Но и это очень много, если считать, что до 2009 года практически никаких контактов с властью не было, и нас с января 2010 года полностью лишили финансирования. Но мы надеемся на лучшее, на изменение ситуации в положительную сторону.

— Алексей Григорьевич, вы живёте и работаете под звездой Шолохова, а 2015

год — юбилейный для классика советской литературы и лауреата Нобелевской премии. Это большое событие и для всей современной русской литературы. Как на родине Михаила Александровича готовятся отметить памятную дату?

— Администрацией области уже утверждён план проведения года литературы и юбилея М. А. Шолохова. Начнут торжества 29 января 2015 года в Таганроге в день рождения А. П. Чехова. К сожалению, нас об этом даже не оповестили, хотя уже и объявили список приглашённых из Москвы писателей-гостей, имена которых мне просто не хочется называть, и мы узнаем подобные новости из ТВ-выпусков.

Но мы тоже стараемся внести свой вклад в год литературы и юбилей классика: проводим областной литературный конкурс в честь 110-летия со дня рождения М. А. Шолохова, организовываем всероссийский молодежный литературный фестиваль в станице Вешенской, литературные чтения. Как будут выглядеть наши совместные действия с администрацией области и будут ли они вообще, пока сказать не могу — не от нас это зависит, но в том, что 2015 год будет знаковым для донской литературы, уверен.

— От имени вологодских писателей желаю донским коллегам в новом году творческих успехов, счастья, здоровья.

— Спасибо, и вам самые добрые пожелания.

Подготовил беседу
Геннадий САЗОНОВ
РОСТОВ-НА-ДОНУ — ВОЛОГДА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Суть бабки Снандулы

Бабушка Снандуля жила в деревне одна. Выглянет утром в окно: волки сидят напротив, скалятся голодные. Нечем им в деревне разжиться. Одна бабка Снандуля жива еще, за спасительными стенами шарашится, керосиновую лампу направляет. А за домом до самого лесу снежная целина. Ни конного, ни тракторного следа не видать. Одни волчьи стежки. А надо бабке в магазин: хлеб кончился.

Одно спасение — от деда старый дробовик остался да патронов сумка. Насдобится бабка Снандуля в фуфайку, полшалак навьет поверху, ремнем перепоясается, рюкзак на спину, дробовик — на плечо.

А волки не уходят, ждут бабку. Она хоть и худая, на демократических хлебах отошала, а все же с голодухи почавкать можно...

Отодвигает бабка щеколду, открывает дверь, вперед себя выставляя ружейный ствол. Грозна бабка Снандуля.

— Бах! — торжественно и жизнеутверждающе гремит выстрел в пустынной деревне. А когда рассеивается дым — волков уже нет, унесли ноги.

Бабка одевает широкие охотничьи лыжи и отправляется в большую деревню за пять километров бездорожья. Тихо и снежно вокруг. И неведомо бабке, что в мире кипят страсти: падает рубль и поднимается доллар, что где-то в Куршавеле румяные русские олигархи катают девушек с гор, что Порошенко бомбит Донбасс, что Америка ввела против России санкции, и что недавно президент Путин назвал простой народ самой сутью России...

Борьку завалили

В ноябре начинали по деревням скотинку бить. И сейчас крестьяне втихаря бьют, только им мясо продавать не дают. Наверное, опасаются, как бы крестьянин не заразил горожанина чем-нибудь экзотическим. Ну, скажем, африканской чумой или тропической лихорадкой эболлой...

В конце девяностых путешествовали мы с Володей Сварцевичем, фотокорреспондентом тогда «Аргументов и Фактов», по Русскому Северу. И вот в одной деревне слышим, поросенка бьют. Заби-

ли уже и голову на стол в тазу водрузили. И такая это была самодовольная рожа, что Сварцевич схватился за фотоаппарат и давай свиную голову щелкать. Портрет получился замечательный. Надо к нему теперь текст придумать. И я написал: «Борьку завалили. Сначала в деревне запахло паленым, а потом и жареным. «Борьку завалили!» — с удовлетворением говорили в деревне.

Это был не простой поросенок. Он был выбран на альтернативной основе из семи претендентов, как наиболее перспективный. Он был статен, породист и чрезвычайно солощ. Про таких говорят: пьет без пальца...

Хорошая жизнь началась у Борьки... Кормили его трижды в день, поили бардой, солому подстиляли каждый день новую, за ухом чесали и похваливали:

— Хорош поросенок. Еще и трех месяцев нет, а, вишь, нагулял шею, как настоящая свинья...

И скоро Борька решил, что он в этом мире самый наибольший начальник, и что все остальные приставлены ему в услужение...

Но однажды вечером, когда на улице установились легкие морозцы, раздобревшего Бориса забыли покормить. А утром по деревне запахло паленым...

Скоро уж вышли в свет «Аргументы и Факты», самая тиражная в мире газета, с фотографией на первой странице поросычьей головы и моим текстом. Мне рассказывали потом, что будто бы администрация президента поначалу намеревалась подать в суд на газету, за оскорбление действующего Бориса Николаевича. Но одумались: ни с какой стороны не зацепишь. Про свинью речь была. И тогда в суд на газету подало общество защиты животных. Правда, дело почти сразу же развалилось. Поэтому что еще не вывели таких свиней, с которых можно снимать сало, не забывая их...

Но, видимо, придется. Последний закон, запрещающий подворный забой скота, возможно, подтолкнет науку к выведению такого скота, с которого можно снимать мясо, как шерсть с овец стричь.

Деревенские беседы

— Козлик-то у меня, Яшенька, самолюбивый, кронюшка. Погляди-ко на него. Выходка чисто генеральская. Ему бы не козлом родиться, так давно бы уже на каком-то большом правлении был. Ведь

из ума сложен Яшенька-то у меня. Токо не говорит.

Вот у меня крыша пылко течет. Пошла к Борису Васильевичу, думала укропает мне крышу-то.

— Некогда мне, — говорит. — Сенокос на дворе.

Да и вышел по какой-то нужде на калидор. А Яшенька-то, кронюшка-то мой, выскочил Борису Васильевичу на стол, и слышу, уж боркает чего-то там, боркает. Да и написал Борису Васильевичу в картуз. Вот какой озорник. Написал да и прыгнул.

А Борис-от Васильевич заходит, одевает картузик и говорит:

— Вся-ко и у меня крыша течет. Вот пользу чинить, дак заодно и тебе укропаю...

Так вот какой у меня Яшенька, смысленной. Ему бы не козлом родиться. Давно бы уж в депутатах ходил. Вишь, как ногу кладет, выходка-то, что у генерала хорошего.

«Воровал, ворует и будет воровать...»

Однажды в девяностых годах я присутствовал на заседании научной конференции в институте философии РАН. Обсуждались вопросы «развития и реформирования агропромышленного комплекса страны», который, надо сказать, к тому времени вовсе не развивался, а стремительно разваливался. Наверное, было не просто ученым со столичной пропиской, большей частью видевших деревню лишь в экспедициях и собиравших знания о ней на страницах книг и газет, выработать единственно верную «Стратегию реформирования села в 21 веке».

И вот одна ученая дама не молодого возраста, доктор наук, заметьте, устало бросила в зал: «Русский народ всегда воровал, ворует и будет воровать...»

Это заявление меня окончательно разозлило и заставило жестко возразить.

— Обиняют русский народ в воровстве только невежды, правители, которые не знают сути общинной деревенской жизни, да те, кто приходит в деревню со своим уставом, пытаюсь навязать свои правила, и еще тот, кто сознательно создает миф о вороватости русского народа.

Теперь я в своей почте нахожу подтверждение тому, что миф этот прижи-

вается уже в самом народе: «Мы умеем воровать...»

А вспомните, давно ли в наших деревнях появились замки? Палка да кичига, приставленные к дверям, говорили о том, что хозяина нет дома. И все. Русский народ — носитель общинного самосознания и общинного способа производства, когда справедливость при распределении созданного общиной продукта или землепользования была главным правилом деревенской жизни.

В деревне каждый человек на виду, и даже такая поговорка была: «Худой да свой». И воровство в деревенском мире было просто невымыслимо. И сегодня даже под натиском разрушительных мифов, капиталистической идеологии вседозволенности, крайнего обнищания и разрухи, эти принципы деревенского общения остаются главными в нашем селе.

А как же тогда с растащивкой, которая со времен Хрущева и Брежнева началась в колхозах, когда с фермы тащили, корма, сено, молоко, зерно с амбаров...

А вот эту растащивку в народном понимании назвать воровством сложно. Тащили-то свое. Скорее, это было восстановление поправленной справедливости, когда в деревенский мир вторглось государство, отбирая практически все, понуждая работать «за палочки», вынуждая свести со двора скотину, отдать под пустырь огород...

Когда реки и озера, рыба в них перестали принадлежать деревенскому обществу, когда леса и уголья, на которых кормились столетиями и тысячелетиями наши предки, перестали принадлежать нам, когда под запреты попали и дерево, и рыба в реке, и заяц в лесу, медведь на овсе. Когда появилась охрана, сберегающая природу для какого-то неведомого дяди в лимузине...

Кто и что у кого украл?

А ученые в Москве разрабатывают уже методы реформирования села в 21 веке. Кого и как реформировать?

И когда меня спросили об этом, то я совершенно убежденно сказал, что самая лучшая реформа будет состоять в запрещении кому бы то ни было, и когда бы то ни было лезть в деревню со своими реформами.

Обиделись... А на кого обижаться нам?

Анатолий ЕХАЛОВ,
кинорежиссер, член Союза
писателей СССР

ПУБЛИЦИСТИКА. XXI ВЕК

ДЕЛО, конечно, не только в том, что постоянно полыхали зарева пожаров в Донецке и в Луганске, в Одессе и в Славянске, что до русских рубежей доносилась терпкая вонь порохового дыма с Саур-Могилы или приграничных русских сёл... Любое честное русское сердце ощутило нестерпимый жар всепожирающего пожара гражданской войны, новые «бои» которой беспощадно развернулись внутри и самой России.

Весь 2014-й год оказался пропитан агрессивной ложью и лицемерием «власть имущих», злобно-психическими атаками «пятой колонны» и бесноватой «прогрессивной общественности», словно рванувшихся в последнее сражение на погибель матушки-России! Но год был пронизан и «окопной» правдой истинных патриотов Земли Русской, которые пока не находили, быть может, внутренних и духовных резервов, чтобы объединённым фронтом противостоять гнусностям её врагов, истинных и «подпольных», а народ, как и всегда водилось в таких случаях в русской истории, просто «безмолствовал». Всё это называлось «информационной войной», но на ней уже «невозвратными потерями», маркированных «грузом «200», списана не одна тысяча славянских душ.

2014-й уже ушел в историю, но мы ещё долгое время будем оглядываться на него в каком-то мысленном ступоре: а что это было-то? Сравнительно давно не отмечалось на Руси такого времени, чтобы почти в одночасье увидели мы не только закулисье «глобального мира», но и ощутили на себе подлостью и неприкрытую ненависть «цивилизованного» или так называемого «демократического сообщества». Всё это отразилось на внутренней жизни нашей страны! 2014-й стал подлинным катализатором всех противостояний, которые намечались этак в году ещё 1985-м, а многие ещё в глубине веков.

Но будем вспоминать! И будем размышлять. А начну, пожалуй, с того, что иногда помещают под рубрикой «человек года».

Не знаю как для кого, но для меня 2014-й остался Годом Михаила Юрьевича Лермонтова. Умные люди давно отметили, что именно с ним связано что-то мистически-страшное для России.

Напомним очевидное! Лермонтов родился в год победы России в «нулевой» Мировой войне, а война 1812–1814 годов действительно являлась мировой. Ибо Европа с Россией тогда и считались «всем миром». Никто ещё не придавал значения Америке, охваченной в те годы гнусной «охотой» за скальпами аборигенов и даже не переболевшей ещё «золотой лихорадкой». Британская же империя отсиживалась в засаде, хитроумно выжидая, одолеет ли Наполеон «русского медведя»?

Но 1914 год (100-летие Лермонтова) – Первая Мировая (2-я Отечественная для России, а это, кстати, являлось вполне официальным названием той войны. 1941-й (100 лет смерти поэта) – и опять Отечественная война, уже Великая! Лермонтов в 1991 году (150 лет смерти) снова «напомнил» о себе, когда великая держава СССР развалилась на куски...

Все, кто ведает об этой странности «лермонтовских» годовщин, втайне надеялись, что уж 2014-й пройдет спокойно, ибо никаких внешних причин для катастроф или войны около или внутри России не просматривалось, так казалось ещё 1 января наступавшего 2014 года. Но нет: пожар войны (а мы ведь ещё не знаем какой, только ли информационной или «холодной»?) нас не минул.

Пока в скобках заметим, что войны, начинавшиеся в «лермонтовские» годы никогда одним годом не ограничивались (даже 1991-й в России имел продолжение в 1993-м). Вспомним и известное правило в науке: одно совпадение – случайность, два – подтверждение случайности, три и более – закономерность. Это так, для особо недоверчивых и сомневающихся в нумерологии.

«Имя» второе в 2014 году, понятно, Путин, Владимир Владимирович. Понятно, не только в России, но и во всём мире! Сегодня мы уже не спрашиваем: «кто есть мистер Путин» (перевод с английского)? Сейчас мы задаемся одним из извечных русских вопросов (что впереди?).

И вот, казалось бы, в кои-то веки российскому правителю даны все «карты в руки», обеспечена всенародная поддержка, только «властвуя» во благо всего наро-

да! Тут надо быть справедливым: конечно, при Путине ситуация в стране и вокруг неё стала меняться к лучшему... по сравнению со временами Ельцина, она вернулась в ряды мировых «тяжеловесов». Отчасти Путину повезло с высокими ценами на углеводороды. Но были ли «тучные годы» в экономике использованы во благо всего народа? Отбросим всяческую демагогию и скажем себе: нет, и ещё раз – нет!

Почему так категорично? Есть ведь главный и несомненно-объективный критерий состояния общества – социальное его расслоение на нищих и богатых. А оно (расслоение) при Путине стало просто чудовищным. Путин пытался в этом году объяснить: отчего это г-ну Миллеру или там г-ну Сечину надо платить два-три миллиона рублей в день (это не оговорка), а простому бюджетнику по «минималке» 5554 рубля в месяц, то есть около 180(!) рублей в сутки (как нынче часто говорится, «почувствуйте разницу»). Да-да, народу так и предписано: «давайте, ребята, жить дружно», чего нам с вами делить-то... Так и хочется алаверды пропеть: «вместе весело шагать... и, конечно, припевать лучше

ДОЖИТЬ ДО СВЕТЛОГО ДНЯ...

хором, лучше хором». Ладно, шутки шутками, но лучше без последствий! Да, и сам президент недавно огорошил россиян тем, что не знает своей зарплаты! Лучше бы этого и не говорить!..

Знаете, где-то в глубине души я надеялся, что к концу 2014 года президент наберётся мужества и сообщит народу примерно следующее: 23 года назад мы, руководители страны, совершили чудовищную ошибку, совместно с американскими «советниками» взяв курс на построение «олигархического империализма» в России, клянувшись пресловутую «глобализацию». Мы-то думали, что у нас везло по миру сочувствующим партнерам, а они вон какими сволочами оказались! Пора заканчивать с этим «экспериментом», ничего хорошего он России не принёс и не принесёт! Надо сделать следующее... Жаль, что этого не случилось: запас терпения к «империалистическому» эксперименту в России, как мне кажется, в народе уже иссякает...

Главная отличительная особенность системы «путинизма» (скажем, от «сталинизма») в том, что при ней никто и ни за что не отвечает! Как по-крупному, так и по «мелочам». Свежайший пример: довели страну практически до финансового дефолта, но «всё хорошо, прекрасная маркиза, всё даже очень хорошо!» Что там г-жа Набиуллина (почти частное лицо, ибо Центробанк отделен от государства), но уж премьер-то правительства обязан (по Конституции, написанной, между прочим, американскими советниками Ельцина!) ответить за состояние экономики страны. Да, ничуть! Этому-то вообще всё сходит с рук. Тогда, может, министр финансов? Да, что вы: «Силуанов – прекрасный финансовый менеджер!» И так идёт по всей вертикали власти...

Без сомнения, «путинизм» – понятие многослойное. И многоликое! Тут, кстати, и о прошедшем «годе культуры». И о главном персонаже «российской» культуры г-не Мединском, Владимире Ростиславовиче. Скажем так, это «анти-имя» 2014 года!

К слову, а во что превращается сам-то телеканал «Культура»? Он и давненько уже никакая не «Культура», а скорее «Образованщина». А ведь «Культура» – какая-никакая отдушина для людей в русской провинции по части причастности к высокой культуре (простите за невольную тавтологию). Как надоел этот чопорный «чел» с «аглицкими» манерами и заграничным проносом (никак не могу запомнить его фамилию, ибо ни одной передачи не досмотрел до конца), который по вечерам поучает зрителей в духе «европейских ценностей и новейшего культурного кода». А как опротивел всезнающий Саша Архангельский, не говоря о наглово-снисходительном Швыдком с его «Культурной революцией-провокацией!» Если не может канал делать свой «продукт»,

так пусть редакторы идут в Госфильмофонд, где на плёнках осталось великое множество образцов русской культуры от кинематографа (тут грешить нельзя, часто показывают что-то достойное) до литературных передач... А русской литературы на «Культуре» практически не увидишь, если не брать во внимание всяческих «Войновичей-Бродских-Шендеровичей», или, на «худой конец», Солженицына... Не считать же за литературную передачу «Игрушки в бисер»? Да и самому-то Игорю Волгину, вроде бы, достойному достоевсковеду, не надоели такие «игры»?..

А уж про «низовую» культуру и сказать нечего, кроме поминального эпилога. Все ли знают, что по «велеанию» Мединского, верного «запутинца»(?), разрушают всю библиотечную систему страны! Только в этом году в ней проведено два или три «плановых» сокращения библиотекарей, десятки (если уже не сотни) библиотек превращаются... в медийно-развлекательные центры(?). Планомерно уничтожаются народные музеи и самодеятельные театры... Пока по «слухам», но уже поступают указания из Минкультуры сократить

доброжелательных и открытых к общению жителей города; как сейчас перед глазами строй грозных крейсеров и линкоров Черноморского флота (я не силен в военно-морской спецификации), стоящих в Севастопольской бухте... Помню ещё как забилось сердце у входа в дом-музей в Ялте, словно я ожидал, что сейчас увижу Антона Павловича... Наверное, не меньше часа простоял в Феодосийском музее, пытаюсь понять всю мощь «Девятого вала» Айвазовского, а спустившись к морю впервые увидел настоящий шторм (баллов пять, видимо), чтобы «вживую» ощутить всю мощь морской стихии. Меньше, кстати, почему-то запомнился Симферополь, вроде обычный южный город, очень пыльный и не совсем уютный (возможно, он сейчас другой, не знаю).

Я – северянин. Меня всегда тянуло к Белому морю, в Архангельск там, или в Кандалакшу, или на Соловки, предположим. Отпуск свой обычно провожу в тихих районах Русского Севера, где мне душевно и комфортно, в этом году (к слову, приятно вспомнить), блаженствовал в любимой Тотме. Поэтому не люблю юга, его жгучего солнца, обнажённости многолюдных пляжей, ночной духоты приморских гостиниц... Но как только Крым «вернулся» домой, в Россию, почти в тот же день и решил, что теперь-то туда поеду обязательно, пусть и в «бархатный сезон». Как видите, говорю «за себя», но уверен, что нечто подобное испытывают многие жители России.

От Крыма «отправимся» к Украине, опять к событиям печальным. Как уже кто-то справедливо заметил, у нас вместо «года культуры» получился «год Украины». Вся бесконечная болтовня, все декларации, все исторические аллюзии, все обвинения и домыслы, высказанные по поводу этой темы, теряют смысл на фоне пяти тысяч (?) погибших славян. «Правители» Украины явно и бессовестно лгут о своих потерях, новоросийцы, по-видимому, ближе к точному числу своих погибших. Но даже если речь шла бы не о тысячах, а просто о «слезе» одного ребёнка, разве это что-то меняет? В сущности, только степень безграничного горя, которое принесли в Новороссию наследники бандеровских недобитков!..

Скажем, слово «бандеровец» в бытовой обиходе я услышал этак в году 1977-м, примерно в то время, когда была провозглашена новая общность людей «советский народ!» В тот год пришлось несколько месяцев прослужить в воинской части, состоявшей почти из одних украинцев, как «восточных», так и «западных». «Ларчик» открывается просто: моей воинской специальности учили только в одном из киевских училищ (это техническое подразделение ГРУ, но не боевой спецназ). Все офицеры были выходцы из Украины, поэтому новобранцев они там и набирали. В солдатском коллективе взаимоотношения всегда на виду. Мой армейский друг Коля Витько, потомственный горняк с Донбасса, и ещё несколько ребят из Харькова и из Днепропетровска как-то заметно отсоединились от моего же приятеля Коли (Микола) Платаного из Волыни и других «западнцев», они даже в столовой старались не сидеть за одним столом. Меня этот феномен заинтересовал, я стал попытаться у Коли Витько: что это вы, вроде, как земляки (надо ли говорить, что «землячество» в армии ценилось превыше всего). «Э-э, они все бандеровцы, ненавижу их!» – отвечал мой друг. Отношения были настолько натянутые, что на «демократическом» ужине случились серьёзные «разборки», переходящие в локальные «кулачные бои»...

Я помнил эту ситуацию. И меня несколько не удивило, что на «независимой» Украине стали возникать эти бесконечные «майданы», а каждые выборы заканчивались явным противостоянием «Востока» и «Запада». Ну, и эти спорадические драки в их «Раде» того же свойства.

Как видим, всё закончилось гражданской войной на Украине в 2014 году. Точнее, всё только начинается: конца войне не видно... Тем нужней тут «свет в конце тоннеля», но все ли доживут до такого светлого дня, особенно – на Украине?..

Андрей СМОЛИН,
член Союза писателей
России

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Рубцов Николай Михайлович – великий русский поэт

(3.01.1936, пос. Емецк Архангельской обл. – 19.01.1971, Вологда)

КОРОТКО О СЕБЕ (автобиография)

Родился в 1936 г. в Архангельской области. Но трех лет меня увезли оттуда. Детство прошло в сельском детском доме над рекой Толшмой — глубоко в Вологодской области. Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но для меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического. Все, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад.

Родителей лишился в начале войны. После детского дома, так сказать, дом всегда был там, где я работал или учился. До сих пор так.

Учился в нескольких техникумах, ни одного не закончил. Работал на нескольких заводах и в Архангельском траловом флоте. Служил четыре года на Северном флоте. Все это в равной мере отозвалось в стихах.

Стихи пытался писать еще в детстве.

Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удачи. Думаю, что стихи сильны и долговечны тогда, когда они идут через личное, через частное, но при этом нужна масштабность и жизненная характеристика настроений, переживаний, размышлений...

ПУСТЬ МЕНЯ ЕЩЕ ЛЮБЯТ И ИЩУТ...

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

Ветер под окошками,
тихий, как мечтание,
А за огородами
в сумерках полей
Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
К табуну
с уздечкою
выбегу из мрака я,
Самого горячего
выберу коня,
И по травам скошенным,
удилами звякая,
Конь в село соседнее
понесет меня.
Пусть ромашки встречные
от копыт сторонятся,
Вздоргнувшие ивы
брызгают росой,—
Для меня, как музыкой,
снова мир наполнится
Радостью свидания
с девушкой простой!

Все люблю без памяти
в деревенском стане я,
Будоражат сердце мне
в сумерках полей
Крики перепелок,
дальних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней...
1953

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

В деревне празднуют дожинки,
И на гармонь летят снежинки.
И весь в светящемся снегу,
Лось замирает на бегу
На отдаленном берегу.

Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,

И по дорогам меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!
1955

* * *

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленицы дров
Целовались от странного чувства.

Разве можно расстаться шутя,
Если так одиноко у дома,
Где лишь плачущий ветер-дитя
Да поленица дров и солома.

Если так потемнели холмы,
И скрипят, не смолкая, ворота,
И дыхание близкой зимы
Все слышней с ледяного болота...
<1966>

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Он шел против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.

Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор
Сказала, к нему подступаю:
— Бродяга. Наверное, вор...

Он шел. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!

Он вздрогнул, очнулся и снова
Заблудился, качнулся вперед...
Он умер без крика, без слова,
Он знал, что в дороге умрет.

Он умер, снегами отпетый...
А люди вели разговор
Все тот же, узнавши об этом:
— Бродяга. Наверное, вор.

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникли из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, не бывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...
<1970>

* * *

«Чудный месяц плывет над рекою»,—
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.

Неспокойные тени умерших
Не встают, не подходят ко мне.
И, тоскуя все меньше и меньше,
Словно бог я хожу в тишине.

И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!

Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...
<1970>

ЭЛЕГИЯ

Отложу свою скудную пищу.
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...
1964

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Провинциальная болезнь обезьянства

НАВЕРНОЕ, многим известен рассказ Л. Н. Толстого об обезьяне, которая всех передразнивала на корабле... Рассказ написан для детей. Очень грустно, когда бестолковым подражателем занимаются взрослые.

...Издавна в нашем городе Вологде строили деревянные дома. Во второй половине XX века, когда началось панельное домостроение со сносом исторической застройки, московские архитекторы и искусствоведы, вологодские культурные люди забили тревогу: ансамбль этой застройки исторического центра является выдающейся культурной ценностью, неповторимой в мировом градостроительстве. Но чиновники и местный институт «Градпроект», по моде того времени застраивая город, уничтожали поколениями вологжан созданную архитектурную красоту.

После «прихвационной» перестройки и у нас появились «эффективные собственники», «бизнесмены», захотевшие по моде особняков с Рублевского шоссе строить себе жилища и «офисы», и непременно на месте ценных деревянных домов и памятников деревянного зодчества. Сколько их сгорело и всё еще горит после приобретения их этими «эффективными собственниками»! И строят без всякого разрешения городских властей как, например: на улице Засодимского, 16, Засодимского, 13, Маяковского, 3, Бурмагиных, 5... И даже прокуратура им не указ. А дальше — больше.

Городские власти и сами от моды не считаются с федеральными законами тоже

не отстают: захотели и выдали незаконное разрешение на строительство по ул. Ленинградской/Победы среди памятников деревянного зодчества. Это строительство безликой «модной» 75-метровой 25-этажной гостиницы в начале улицы Чернышевского (при допустимом строительстве не выше 5 этажей), которая своей массой просто «раздавит» панораму набережной с памятниками XVII—XIX веков и историческую доминанту города — колокольню Софийского собора, построенного Иваном Грозным, уже планируется новыми хозяевами жизни как символ своей власти и своей антирусской, антивологодской «культуры». А областное руководство торопится объявить этот планируемый к строительству монстр как новую архитектурную достопримечательность исторической Вологды!..

Подобное подражание без ума, без учёта местных условий, такое слепое подражание ещё и Иван Алексеевич Бунин также называл обезьянством.

А примеров обезьянства очень много. Взять хоть тот же евроремонт. Первым делом при нём нужно пол выстелить квадратной, глянцево-плиткой, как в публичной уборной. Если есть лестницы, то перила у них непременно из никелированных трубок. Чтоб всё блестело и сияло.

Раньше идёшь, скажем, по улице Мира, от входа на рынок к памятнику Ленину. Ряд магазинчиков, в том числе и вечной памяти «Букинист». Ряд дверей, все двери разные и ручки дверные тоже... Зайдёшь в магазинчик, у каждого своя планировка. А сейчас везде одни и тоже белые двери с бе-

лыми трубчатыми ручками. И внутри всё одинаково, везде гладкие плиточные полы и т.п. А ведь это памятники архитектуры, где проводили, якобы, реставрационные работы! Даже в краеведческом музее, в юго-западной башне Вологодского Кремля, этот пресловутый никель, не поленились, загляните. В памятнике XVII века и эта гадость.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Н. В. ГОГОЛЯ, можно сказать: «Скучно жить с вами, господа». Ничего своего, никакой выдумки, никакой фантазии: всё, как у всех.

Советскую эпоху упрекали в стадности. А сейчас стадность везде и во всём. А при советской власти было, как выражаются сторонники плюрализма, цветущее разнообразие. Цветли все цветы, даже дверные ручки. Сейчас же, куда ни глянь, везде одна сурепка.

Никто не доказал, что металлические рамы полезней и надёжней деревянных, но всюду ставят стеклоблоки, даже в архитектурные памятники XIX века, когда их не существовало. Мода!

Стеклят новые дома черно-синим зеркальным стеклом. Цвет стекла уродлив, вызывает в душе неприязнь. А нам плевать, что вызывает. Мода!

Недавно Вологда ещё обзавелась одним памятником обезьянству. Первобытные люди, не имевшие письменности, обменивались посланиями при помощи рисунков, так называемых пиктограмм.

Мы получили грамоту почти тысячу лет назад, но атавизм (пережитки старинные) живучи в душе. На вокзале появились, как пишут журналисты, арт-объект.

«Арт» — от слова «искусство». Объект таков: в начале стоит большая буква «Я», затем следует изображение помидора сорта «бычье сердце, и всё завершает слово «Вологда». И все рады. Журналистам по штату положено радоваться всякой нелепости, вроде памятника букве «О», но и власти-то городские не против всего этого. Как не были они против установки памятника мочащемуся у фонарного столба кобелю. Отчего же не написать просто «Я люблю Вологду»? Зачем прибегать к языку неразвитых дикарей? Потому что модно. С годами это уродство с площади уберут, так же как просвещённые вологжане не будут долго терпеть кобеля у столба, но сейчас это модно. А мода — страшная сила. Солженицын сморозил глупость, сказав: жить не по лжи, и своей жизнью глупость эту опроверг (А. Островский в книге «Крушение мифа» доказывает фактами, что А. И. Солженицын всю жизнь врал). Правильной и честной будет говорить: жить не по моде.

Мало ли что придумает извращённый европейский ум. Нам до него какое дело. Но со щенячьим восторгом подвизгивают: «Ах, в Европе есть фонтаны Мальчик piss», а у нас, людей тёмных, таких фонтанов нет. Зато есть у нас нечто другое: под эти разговоры о нашей темноте вырастает такой «мальчик» в великовозрастную дубину и мочится (и заодно матерится), где ему приспичит.

Давайте же жить своим умом, своим нравом, обычаем.

Роберт БАЛАКШИН,
лауреат Государственной премии
Вологодской области по литературе

Адрес газеты: www.literator35.bl.ee

Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru

Издание подготовлено к печати при финансовой поддержке депутата ГД РФ В. Е. Позгалева.

Главный редактор А. А. Цыганов.
Редакционная коллегия: С. П. Багров, В. Н. Баранов, Г. А. Сазонов, М. И. Карачев, О. И. Ларионов, Ю. М. Максин, О. А. Фокина.

Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает, а также не имеет возможности выплачивать вознаграждение за опубликованные материалы.

Тираж издания 500 экз. Цена свободная.

Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.

Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. 1112. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически — 20.01.2015 г. в 12.00. Выход в свет — 23.01.2015 г.